

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.8(470.51)

С. В. Толкачева

АКЦИОНАЛЬНЫЕ И АКУСТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В РУССКИХ И УДМУРТСКИХ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ

Статья посвящена этнографической и музыкально-акустической специфике функционирования причитаний и прощальных песен в русских традиционных свадебных обрядах южных р-нов Удмуртии. Указаны типологически сходные процессы в оформлении жанрового состава музыкального фольклора традиционного свадебного обряда удмуртского и русского этносов. Проанализированы эпизоды свадебного обряда, которые сопровождаются пением и/или плачем: «просватанье», «голошения» невесты до первого свадебного дня, довенечная баня для невесты, утро свадебного дня, расплетение косы невесты, прощание с родственниками, просьба невесты к родителям о прощении и благословении, «дарение даров», вывод невесты к поезжанам, отъезд к венцу. Выявлены ареальные особенности бытования причитаний и прощальных песен, рассмотрены вопросы народной терминологии. Описаны обычаи «хвильить», «кривить», «слезить» невесту, бытующие в Вавожском, Завьяловском, Якшур-Бодьинском р-нах Удмуртии. Определена смысловая ценность плача невесты и ее родственников в свадебном обряде. Рассмотрены самобытные эпизоды свадебного обряда с. Арзамасцево Каракулинского р-на: исполнение песни плясового характера «Долина, долинушка» во время «вытья» невесты на просватаньи, обычай «отбивания зори» невестой.

Ключевые слова: русский свадебный фольклор Удмуртии, этнографический контекст, свадебные причитания, прощальные песни, плач, вытье, кривить, хвильить, слезить невесту, зорю отбивать.

Традиционные свадебные обряды русских жителей Удмуртии в локальных вариантах неоднородны. Они различаются и в составе свадебных эпизодов, и в их содержании, в количестве и названиях участников (*чинов*)*, в фольклорных текстах и т. д. [12. С. 100, 106, 109; 17. С. 163, 165–166; 18. С. 167–169]. От принадлежности к определенному этнокультурному ареалу региона зависит и музыкально-акустическое оформление традиционной свадьбы [2. С. 40–41; 8. С. 10–13; 14. С. 31–32].

* Здесь и далее цитаты, диалектные выражения и фрагменты рассказов информантов приводятся в стиле, орфографии, пунктуации оригинального источника.

В настоящей статье рассматриваются наиболее острые, «пиковые» событийные моменты свадьбы, в которых равным образом концентрируются, «сгущаясь», этнографические, вербальные, акустические, музыкальные проявления обряда. Целью данного исследования является анализ тех эпизодов свадьбы, где, по словам народных исполнителей, поют и / или *плачут / режут / воют / голосят / отвывают невесту**. Ракурс рассмотрения проблемы обусловлен необходимостью выявить ареальную специфику бытования свадебных причитаний и «прощальных» песен (сопровождающих прощание невесты с девичеством, родителями и родственниками, отчим домом) в южных и центральных районах современной Удмуртии. Рассматривается свадебный фольклор Вавожского, Воткинского, Завьяловского, Каракулинского, Кизнерского, Киясовского, Можгинского, Сарапульского, Шарканского р-нов УР, д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на (основанной в 1863 г. переселенцами из населенных пунктов, приписанных ранее к Воткинскому заводу) [20. С. 8].

Источниками исследования послужили собственные полевые экспедиционные материалы, хранящиеся в Фольклорном архиве УИИЯЛ УрО РАН [4–5; 21–28], частично представленные в изданных работах [6–8; 11–18], и современные публикации русского фольклора Удмуртии В. Г. Болдыревой [1; 2], Э. А. Тамаркиной [9], А. Г. Татаринцева [10], И. К. Травиной [19], П. П. Фертикова [20] и Т. А. Шуклиной [29].

Слово «причитания», по нашим экспедиционным наблюдениям, народные исполнители трактуют безотносительно к свадебному обряду и, в большинстве случаев, их наличие в составе свадебного музыкального фольклора отрицают [16. С. 108–110]. В современных публикациях русского фольклора южных и центральных р-нов Удмуртии высказывания участников свадьбы с упоминанием о причитаниях невесты уникальны. Один из подобных репортажей, записанный в с. Шаркан в 1984 г., размещен д. филол. н. А. Г. Татаринцевым в книге «Русский фольклор Удмуртии»: «...*Уж я тогда поревела!.. На девичнике иные невестушки так просто причитают, а я-то от сердца. Все говорила:*

Отказался от меня родимый батюшка,

Отказалась от меня родима матушка...» [10. С. 46].

В этом фрагменте наглядно прослеживается близость к русскому традиционному свадебному фольклору Удмуртии терминов *реветь, причитать* и *говорить*. Автор первых изданных нотаций русских народных песен Удмуртии, в том числе свадебных причитаний, канд. искусствоведения И. К. Травина сообщает о распространении в народной среде термина *голосить* как эквивалента термину «причитание»: «До самого дня свадьбы невеста “голосила”, то есть причитала, оплакивая свою русую косу и девичью красоту» [19. С. 6].

В фольклорных экспедициях 90-х гг. XX в. на наш вопрос о бытовании причитаний во время свадебного обряда информанты отвечали категоричным утверждением: «*Не нареवेशься за столом – нареवेशься за столбом*», – объясняя и/или подразумевая, что плач невесты за свадебным столом служил залогом дальнейшей благополучной супружеской жизни («за столбом»). Такой ответ сельских жителей всегда ощущался нами как парадокс – свадебных причитаний нет, но на

* Здесь и далее цитаты, диалектные выражения и фрагменты рассказов информантов приводятся в стиле, орфографии, пунктуации оригинального источника.

свадьбе плачут, зачастую и под пение. Четко осознавая вопрос о причитаниях, вслед за данным высказыванием народные исполнители объясняли, что на свадьбе «пели и плакали». То есть еще одним синонимом к свадебному причитанию в русском фольклоре Удмуртии было слово «пение». *Ревели* участники свадьбы и под прощальные песни, и под песни, комментирующие обряд, и под игровые песни, и под величания, о чем будет идти речь далее.

О сходном, иногда идентичном, бытовании причитаний и песен в русском свадебном фольклоре Удмуртии довольно много свидетельств в репортажах участников традиционных свадеб: «...*Девки стоят, поют все песню-то. Невеста плачет, а на словах “Ой, да приступись, родимая мамонька” начинала плакать мать: как сцанат невесту горькую, изначнут... Невеста ревет, мать пуще того. Потом уж их даже будут раздергивать – так заревут...*» [1. С. 83–84]. В этом примере информанты из д. Мишкино Шарканского р-на, повествуя об эпизоде расплетения косы невесты, говорят о слезах невесты и ее матушки, и о плаче, и о причитании «Ой, да приступись, родимая мамонька», которое поют девушки. Жанр этого причитания народными исполнителями не указан. В других фрагментах репортажей, частично приведенных далее, информанты рассказывают и о других обычаях, приуроченных к ожиданию прибытия жениха: о прощании невесты с родными, об одаривании подарками, о просьбе невесты к родителям благословить ее и др. Народные исполнители всегда подчеркивают, что невеста и ее родня плачут, а девушки поют песни. При этом они могут называть песни, комментирующие обряд, прощальные песни, причитания.

Изданные без нотаций тексты свадебных причитаний, записанных на территории Удмуртии, не дают однозначного представления о виде причета. К тому же, если в тексте публикации нет особых указаний собирателя или информанта, точное разделение жанров причитания и прощальной песни затруднено. Опираясь на опубликованные материалы и личные экспедиционные полевые наблюдения, предположительно можно выделить три вида бытования плачей и причитаний невесты в русской традиционной культуре Удмуртии. Во-первых, плач без пения как эмоциональный выплеск с «натуральными» слезами. Во-вторых, невеста *сольно выла-голосила-ревела* («на мотив»). И в-третьих, невеста плакала и/или пела, в то время как подружки причитали и/или пели. Иногда плач невесты поддерживался ее родственниками.

Многие участники традиционных свадеб свидетельствуют, что реальными слезами плакали именно невеста и ее родня. Подруги невесты (*швей*) в большинстве свадебных эпизодов, как подчеркивают информанты, не плакали, а пели: «*Песни поют, эта, невеста ревет. Всяки песни поют, невеста все ревет, ревет, ревет. Это долго. Потом уж, жених когда придет за ее, невеста не ревет, за стол посадят. И эта, там все уж пируют, все...*» [21]. Совместное *вытье* / плач *шитниц* и невесты происходило, когда невеста мылась в (довенечной) бане и в момент ее отъезда с поезжанами в дом жениха.

Впервые плач невесты мог раздаваться во время или после *просватанья* / *пропивушек* / *пропоя* / *пропивышей*, когда отец просватанной девушки давал окончательное согласие на брак сватам и родне будущего зятя [14. С. 57]. В дальнейшем невеста могла плакать до свадьбы каждый день: «...*Невеста все три недели просидит, все недели проревет. Боится, какой мужик попадет*» [10. С. 38].

В с. Арзамасцево Каракулинского р-на обычаем голошения невесты под пение подруг назывался *невеста зорю отбивает*. Сегодня жители села уже не помнят песен, которые пели подруги при голошении невесты. Тем не менее сам факт подтвержден многими информантами. Невеста *отбивала зорю* с пением и плачем каждый день после *просватанья* один или два раза в день: на рассвете и/или на закате. Подруги в это время пели, помогали невесте дошивать приданое: «*«Невеста» зорю отбивает, песни поет, ревет. Утром или вечерошную. Как просватают – каждый день невеста ревет. Невеста в сенцах плачет. Когда просватают, подруги приходят, шьются, всякие поют песни... Невеста ревет, голосит на лавке... Как просватают – девки, подруги, песни... невеста голосит, сидит на лавочке, девки песни поют»* [22].

В настоящее время сельчане вспоминают другой оригинальный обычай пения девушек под плач невесты. В с. Арзамасцево в 1994 г. нами зафиксированы упоминания о специфическом обычае «проигрывания» песни плясового характера «Долина, долинушка» во время *голошения* невесты. Песня *игралась* за воротами подругами невесты в сопровождении народных музыкальных инструментов – печной заслонки, щипцов и др. Невеста в это время сидела в доме и *голосила*: «*Накануне свадьбы полешко ставили в ноги. Невеста сидела дома, девушки выходили за ворота. В заслонку играли, щипцами (угли чем вытаскивают). Невеста в это время голосила. Выходили на улицу и играли у ворот»* [23]. Звучание «Долинушки» на улице служило для семейства невесты и для односельчан подтверждающим знаком окончательного – положительного – решения родителей девушки о предстоящем браке. На следующий день после проигрывания «Долинушки» проводились обряды *сговора* и *обручения* [14. С. 55–56]:

– *То есть, это договорились, и потом жених уже ходит к невесте.*

– *Ходит к невесте. В карты играют. Сидят.*

– *Посидят, поиграют, посидят. Вот эту «Долинушку» – под праздник, под этот, под самый, под праздник...*

– *«Далинушку» спели, а на другой день – обрученье, сговор...»* [24].

В удмуртской народной музыкальной культуре, в других русских локальных традициях Удмуртии песня «Долина, долинушка» бытовала как *круговая* хороводная [8. С. 116, 119, 297–298, 401]. Самобытность обычая исполнения песни «Долина, долинушка» на свадьбе, вероятно, связана с особенностями позднего и специфического формирования фольклорной традиции с. Арзамасцево [8. С. 11–12].

Сходная с этой традицией трактовка «знаково» шумного поведения молодежи во время *противышей*, призванного оповестить односельчан о предстоящей свадьбе, приведена музыковедом, фольклористом В. Г. Болдыревой в описании свадебного обряда с. Кварса Воткинского р-на. О слезах невесты здесь не упоминается: «*...Посидят за столом, потом идут с гармонью по деревне (вместе с женихом и невестой) и шумят побольше, чтобы все знали, что пропили девку»* [1. С. 77].

Следующим свадебным обычаем, где могли звучать причитания и где практически повсеместно плакали невеста и/или ее подруги, была ритуальная баня для невесты накануне свадебного дня: «*...А девки песню жалобную, сами ревут. А невеста так уж ревет, воет. Пока песню не споют, в баню не зайдут...*» [10. С. 39]. В с. Вятском Каракулинского р-на в рассказе информантов о бане для

невесты зафиксирован термин *отвывать невесту*: «Баню истопили... Тоже там песни пели, так я не знаю. Говорили, што “отывают” невесту» [25].

Во время довенечной бани для невесты слезы проливались обязательно – и самой невестой, и ее подругами. Однако вместо причитаний в локальной традиции Воткинского р-на, этнограф, кандидат исторических наук Е. В. Попова и музыковед С. В. Толкачева зафиксировали факт исполнения величаний (*припевания девок*) [5]. Приоритет психологического и акционального проживания ситуации, влияющий, в свою очередь, на «незыблемость» специфического – драматического – акустического оформления эпизода, чрезвычайно важного для традиционной свадьбы, демонстрирует следующий фрагмент репортажа:

– А ленточку с косы куда девали?

– А ленточки подружкам дарили. Какие подружки вот у ей? Припевали девок, и... девки приходили, поревили с невестой, и ленточку дадут... [5].

Таким образом, продиктованные ритуальной значимостью эпизода довенечной бани для невесты и регламентированные обрядом слезы и плач сохранились в акустическом коде. Варьированию подвергся выбор музыкального жанра: вместо причитания исполнялись величания.

Имманентность плача для свадебного обряда в локальных традициях Вавожского, Завьяловского, Якшур-Бодьинского р-нов подчеркивалась обычаем *слезить / кривить / хвильть* невесту. Целью его было погружение невесты и ее родственников в стрессовое состояние, сопровождающееся песнями и плачем, для совместного, общинного родового проживания неизбежной разлуки. Участники этого обычая подчеркивают, что возникновению и поддержанию сильного эмоционального чувства в значительной мере способствовало исполнение песен. *Слезить / кривить / хвильть* невесту в свадебный день могли в разное время: при расплетении косы, когда ожидали приезда жениха: «...Подружки расплетают у невесты одну косу и заплетают в две. Они поют песни – “хвильт” невесту, чтобы она плакала сейчас, а не за столом, прощаясь с родительским домом, с девической жизнью...» [20. С. 55]. В других этнокультурных ареалах *кривили* невесту и в другие моменты свадьбы. В частности, в Дебесском и Игринском р-нах – во время пения песен за свадебным столом, после вывода невесты к жениху.

В свадебный день плач мог звучать с утра и до отъезда невесты в дом жениха: «Когда девку в замуж отдают, ну, жениха-то ище нету, а ведь невеста-то-от ревет. Девки-то всякие песни поют, я уж забыла вот, какие еще мы пели-та. Да, а когда уж жених приедет – тогда уж невеста не ревет. А вот пока жениха ище нету – свои-то, своя-то родня собралась, невеста ревет. На всех она родню, примерно, на отца, на мать навалит, ревет. А потом на всех-то, на родню ходит» [21].

Один из наиболее драматичных этапов свадьбы, практически всегда сопровождаемый слезами, – прощание невесты с родными при разрушении девичьей прически. В этот же обряд иногда включались просьбы невесты к родителям о прощении и благословении, *одаривание подарками* своей родни: «Приезжают лошади разряженные. Невесту благословляют родители – ревут, отец иконкой встретит, полотенце у матери. Невесту выводят» [22].

Расплетение косы невесты озвучивалось плачем повсеместно. Во многих населенных пунктах участники свадьбы вспоминают причитание, содержащее просьбу невесты к мамоньке, а затем и другим родственникам, расплести ее косу:

– ...Косу вот расплетали, косу расплетали, припевали невесту. Она редела.
– Она больно протяжная. И это самая такая жалобная. Там и все почти режут. Невеста ревет и...

– Я это пела. Да, вот я пела – такой же мотив. Пела протяжную я песню. Я вовсе забыла уж эти песни...

– Начинается перво как:

Приступись-ко, родима мамонька,

К моей-то косе трубчатой.

Коса расплеталась...

– Ой, забыла я. Только знаю, что первые самые слова эти... [26].

Обычай просьбы невесты к родителям о прощении и благословении мог включаться в разные эпизоды предсвадебного и первого свадебного дней: во время прощания с родственниками при расплетении косы, при одаривании, при подготовке к отъезду в дом жениха: «Утром ожидают приезда. Невеста сидит на лавке, подружки <в> ряд около ее, поют песни. Приезжают лошади разряженные. Невесту благословляют родители – режут, отец иконкой встретит, полотенце у матери. Невесту выводят...» [22].

В с. Сов.-Никольское Завьяловского р-на просьба невесты к родителям о благословении и прощении происходила на *девишнике* и имела другое название – *слезить невесту*. Невеста просила прощения, исполняя причитание «Ой, пала жо, пала же с неба звездочка»:

– Как обрученье-то было, когда, вроде эта, слезили невесту эта, да ведь? Эта называлась обрученье.

– Эта девишник.

– Ну, девишник.

– Матери в ноги она кланяется, прошиэнья просит, вот:

Ой, пала жо, пала же

С неба звездочка.

Ой, перепала же, в но... невеста(о)чка.

– Вот, она матери в ноги кланяется, мать ее прошишает... [27].

Расплетение косы, просьба невесты к родителям о благословении, ее прощание с родственниками во время ожидания жениха, одаривание могли озвучиваться и причитаниями в традиционно научном смысле этого термина, и просто плачем, и песнями под плач. Очень редкий, из разряда единичных, пример совмещения плача невесты и величания приведен А. Г. Татаринцевым: «...На девишнике песни поют. И невеста, и подруженьки ее, все поют. А невеста с причитами бросалась на шею отцу с матерью. А девушки, бывало, пели:

Ты, баска, ты хорошая,

Ты красная ягодка.

Ой ты, красна ягодка,

Наливное ты яблочко!

У тебя лицо-то белое,

Побелее снега белого...» [10. С. 46].

Благодарность невесты к родителям, и, шире, ко всему роду, выражалась в преподнесении даров. Показателен факт, приведенный Серафимой Николаев-ной Мартыановой из д. Сепыч Завьяловского р-на, когда в послевоенное время ее

одаривание бабушки вместо погибшего отца сопровождалось всеобщим плачем родственников. Эта же участница свадьбы вспоминала, что присутствующие ревели и при выводе невесты к гостям, чего в других близлежащих населенных пунктах не наблюдалось. Вероятно, здесь имела место ситуация личного плана: к прощанию невесты с родными добавилось оплакивание погибшего на войне отца:

– *А вот спеть шло вот, как вот «Выводил сударь-бабушка», да ой... Тут ревут больно.*

– *Тоже девки поют?*

– *Девки поют.*

– *А плачут все?*

– *Все-то – не все, а мать, да там, невеста...*

– *...А это мы... Папки-то у нас не было, убили на войне, перед бабушкой две, две внучки стали дак...*

– *Бабушке пели песню?*

– *Ну, не мы пели-то. А мы – с подарком, две сразу подошли дак тут.*

– *А подарок-то кому дарили?*

– *Бабушку... Ну, мы по полотенцу, все такое вот. Так вот тут слезы-то бегут.*

– *А матери пели песню? Подарок дарили?*

– *Маме-то? Че-то забыла... [28].*

Плач был возможен после вывода отца невесты к поезжанам – во время исполнения песен, за свадебным столом, при преподнесении даров невесты родителям, когда невеста просила родительского прощания и благословения. В следующем фрагменте рассказа о свадьбе Зинаида Григорьевна Калабина и Вера Егоровна Шумкова из с. Вятское Каракулинского р-на повествуют о «прощальной» песне «Отставала лебедь белая», звучащей под плач при выводе невесты из-за стола для отъезда с женихом под венец:

– *А невеста причитала, плакала?*

– *Ну как это. Раньше и за столом которая плачет. Матери... просила прощания: «Мама, прости за все!». Плакали, как не плакали... Ревели девчонки.*

– *А вот пели и плакали? Было такое?*

– *Вот, вот. Ету песню – «Отставала лебедь белая» как запоют – очень плакали... [25].*

Последняя ситуация, сопровождаемая слезами – отъезд молодых из дома невесты к венчанию: «*К венцу – невеста плачет, подружки плачут, величают*» [22]. Здесь обычно звучали прощальные песни:

– *А невеста совсем не плакала?*

– *Ну, как не плакала...*

– *А куды из дому пойдет, как не будет плакать.*

– *Повезут когда дак, когда повезут дак – тогда уж ревела...*

– *А под какую песню ревела?*

– *Дак ведь там песен-то много было дак... Ну вот последнюю песню пели «Не текуча наша реченька», вот тут... Вот. Это последняя песня, уж невесту повезли... [4].*

Итак, в традиционном свадебном обряде существовали особые драматургические моменты, связанные с родом невесты, исключительно важные в ритуальном отношении. Они могли сопровождаться, или не сопровождаться, песнями

и причитаниями. Тем не менее, даже при возможном забвении сопровождавших их причитаний и прощальных песен, осталась насущная необходимость проживания этих эпизодов как необычайно острых, «пиковых», со слезами и душевным надрывом, на грани сильнейшего эмоционального стресса.

Сначала просватанная девушка привыкала к необходимости смены социального статуса, к факту предстоящей жизни в новом месте, с новыми родственниками и т. д. До свадьбы невеста постепенно эмоционально «отстранялась» от родителей, от родственников, как бы «замирала» в преддверии сверх насыщенного событиями свадебного дня. Обычай плакать в сенях, вероятно, связан с тем, что невеста не желала, чтобы родственники видели ее слезы. Тем не менее, незаметно для других, ее мировоззрение начинало меняться. Наглядным и акустическим проявлением данного процесса были плачи-причитания невесты на утренней или вечерней заре, которые служили также и своеобразной психологической разрядкой. Помогали невесте в проживании стресса ее подруги.

Накануне свадьбы невеста плакала уже возле бани. И здесь плакать невесте помогали подруги. Физическое очищение невесты в бане протекало параллельно с духовным очищением – слезами, и поддерживалось дружественным «подкреплением» – обязательным соприсутствием и соучастием подруг. Ритуальное «перевоплощение» невесты в новое для нее состояние *молодушки* посредством омовения водой требовало создания и оригинальной звуковой атмосферы «перехода».

В свадебный день тяжесть разлуки разделялась уже всеми родственниками невесты. В кульминационный момент ритуального перехода невесты (средством смены прически с девической на женскую) слезы были всеобщими. При расчесывании волос к ней поочередно подходили родители, близкие родственники. Сопровождение слезами песен и причитаний ситуаций реального отрыва невесты от родных и отчего дома было естественным, когда она просила благословения, выходила с отцом к жениху и гостям, уезжала с суженым.

Осознание ритуального «перевоплощения» как свершающегося, даже уже свершившегося, акта закреплялось трапезой за свадебным столом. Недаром свадебный стол в доме невесты в южном этнокультурном ареале служил одним из отображений невесты. Подобно невесте, до ее выхода к гостям, стол был закрыт покрывалом. После вывода батюшкой дочери к жениху, стол *открывали*. Для этого дружка испрашивал благословение у родителей невесты: «...*Все сядились как положено, но кушанья были закрыты покрывалом. Тогда старший дружка опять просил у родителей невесты разрешения:*

– *В честном пиру, в благодатном дому*

Есть ли отец и мать?

Позвольте явству вскрыть –

Сами вскроете или нам прикажете?..» [29. С. 44].

Когда все гости уже сидели за столом и вкушали яства, это воспринималось как некое относительное завершение предшествующих драматических ситуаций. Невеста под пение «жалобных» песен могла себе позволить быть «расклеванной», «слезливой». Временная «передышка» позволяла ей выплакаться перед очередными стрессами: предстоящим расставанием с отчим домом, венчанием, продолжением свадьбы в доме молодого мужа.

Существенная значимость ситуаций плача невесты и ее родни для свадебного обряда, имевшая непосредственное влияние на жанрообразующие процессы, наблюдается в удмуртском фольклоре. Данное явление было изучено и подробно описано д. филол. н. Т. Г. Владыкиной в монографии «Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики» [3. С. 119–168]. Исследователь отмечает, что напевы проводных песен рода невесты (напевы третьего дня, мелодия вызывания слез невесты, проводной напев) и прощальные песни самой невесты «...обслуживают самый важный, переломный момент свадьбы – прощание девушки с родным домом... и с родственниками...» [3. С. 119]. На многочисленных примерах Т. Г. Владыкина доказывает, что факт исполнения проводных песен родней невесты при увозе невесты из родного дома в определении стилистического сходства песен прощания и причетных песен самой невесты – важнейший и основополагающий [3. С. 120].

Таким образом, можно предположить, что по народным представлениям, свадьба была обрядом, для которого ситуации плача имманентны. С момента согласия родителей на брак и до отъезда жениха и невесты на венчание постепенно расширялись пространство плача (сени – баня – улица) и количество вовлеченных в него участников (сначала плакала невеста, затем невеста с подругами, и после – все родные невесты). Помимо причитаний, плач сопутствовал большинству свадебных песенных жанров: величаниям; песням, комментирующим обряд; прощальным и плясовым песням.

Ситуации, в которых появлялись собственно реальные слезы, запоминались участниками как особо ценные, яркие, существенные. «Правильное» же (драматичное, с обильными слезами, громким плачем и рыданиями, с песнями, будоражившими души невесты и ее окружения) проживание этих событий было призвано обеспечить молодым удачную совместную супружескую жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Болдырева В. Г.* Русская свадьба Сарапульского уезда Вятской губернии (опыт ареального исследования) // Вятский родник: сб. материалов 9 Науч.-практич. конф. Киров: ОДНТ, 2008. Вып. 9. С. 73–87.

2. *Болдырева В. Г.* Межэтнические связи в русском свадебном обряде на территории Среднего Прикамья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 1. С. 40–43.

3. *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 356 с.

4. Личные полевые архивы (ЛПА) Д. Я. Барабановой, В. Г. Болдыревой, С. В. Толкачевой. Запись Д. Я. Барабановой, В. Г. Болдыревой, Ю. А. Болдырева в 2013 г. в д. Большая Кибья Можгинского р-на от К. Я. Сутягиной, 1937 г. р., Т. В. Уткиной, 1937 г. р.

5. ЛПА Е. В. Поповой, С. В. Толкачевой. Запись Е. В. Поповой, С. В. Стародубцевой (= С. В. Толкачевой) в 1999 г. в д. Дёмино Воткинского р-на от К. Д. Кузнецовой, 1905 г. р., Н. А. Молковой, 1914 г. р.

6. *Стародубцева С. В.* Ох, распечальное мое сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 226 с. Вып. 1. (Русский фольклор Удмуртии).

7. Стародубцева С. В. Русские свадебные обряды // Вестн. Удм. ун-та. 1999. Вып. 3. С. 42–62.
8. Стародубцева С. В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.
9. Тамаркина Э. А. Реконструкция русского свадебного обряда южной части Удмуртии по современным записям // Вестн. Удм. ун-та. 1995. Вып. 5. С. 103–114.
10. Татаринцев А. Г. Русский фольклор Удмуртии / Сост., предисл., вступ. ст. к разделам, примеч. А. Г. Татаринцева. Ижевск: Удмуртия, 1990. 368 с.
11. Толкачева С. В. Организация пространства в русских свадебных обрядах северных районов Удмуртии // Вестн. Удм. ун-та. 2010. Сер. 5: История и филология. Вып. 4. С. 119–123.
12. Толкачева С. В. Гендерная специфика обычаев одаривания в русских свадебных обрядах Удмуртии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 4. С. 99–112.
13. Толкачева С. В. Имманентные черты поэтического образа невесты в русских свадебных песнях и причитаниях Удмуртии. // Вестн. Удм. ун-та. 2012. Сер. 5 «История и филология». Вып. 4. С. 87–94.
14. Толкачева С. В. Русский музыкальный свадебный фольклор Удмуртии: учебно-методическое пособие. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 60 с.
15. Толкачева С. В. Зоо- и орнитоморфная символика в русском свадебном песенном фольклоре Удмуртии на примере поэтического образа жениха и его партии // Наука, просвещение, искусство провинции в социокультурном пространстве: Материалы 9 короленьковских чтений Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 160-летию юбилею В. Г. Короленко. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2013. С. 193–199.
16. Толкачева С. В. Труды Г. Е. Верещагина как источник исследования русского свадебного фольклора Удмуртии // Г. Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: Сб. статей / Сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2014. С. 103–118.
17. Толкачева С. В. Терминология чинов партии жениха в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии // Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3. Ч. 3. С. 162–167.
18. Толкачева С. В. Специфика функционирования чина дружки в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии // Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (53). Ч. 2. С. 166–172.
19. Травина И. К. Русские народные песни родины П. И. Чайковского. М.: Всесоюзное изд-во «Советский композитор», 1978. 191 с.
20. Фертиков П. П. Починок Патраковский – деревня Патраки Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики. 1863–2008: Страницы истории. Ижевск: Удмуртия, 2008. 168 с.
21. Фольклорная экспедиция Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук в 1998 году (ФЭ УИИЯЛ-1998). Запись С. В. Стародубцевой (= С. В. Толкачевой), О. М. Гизатуллиной, Л. Кузнецовой в д. Котья Вавожского р-на от Л. И. Зориной, 1927 г. р.
22. ФЭ УИИЯЛ-1994, Республиканского научно-методического центра (РНМЦ). Запись С. В. Стародубцевой (= С. В. Толкачевой), А. Козлова, Г. А. Прокопенко в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от О. И. Тепляковой, 1907 г. р.
23. ФЭ УИИЯЛ-РНМЦ-1994. Запись С. В. Стародубцевой (= С. В. Толкачевой), А. Козлова, Г. А. Прокопенко в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Т. А. Якимовой, 1913 г. р., В. В. Якимовой, 1936 г. р.
24. ФЭ УИИЯЛ-РНМЦ-1994. Запись С. В. Стародубцевой (= С. В. Толкачевой), А. Козлова, Г. А. Прокопенко в с. Арзамасцево Каракулинского р-на от Г. Ф. Ирина, 1924 г. р., Т. А. Ляпуновой, 1915 г. р.

25. ФЭ УИИЯЛ-РНМЦ-1994. Запись С. В. Стародубцевой (= С. В. Толкачевой), А. Козлова, Г. А. Прокопенко в с. Вятское Каракулинского р-на от З. Г. Калабиной, 1937 г. р., В. Е. Шумковой, 1929 г. р.

26. ФЭ УИИЯЛ-2000. Запись С. В. Стародубцевой (= С. В. Толкачевой), Л. Н. Мардановой в д. Патраки Якшур-Бодьинского р-на от Е. М. Ивоиной, 1933 г. р., Н. В. Михалевой, 1950 г. р., К. Я. Михалевой, 1920 г. р.

27. ФЭ УИИЯЛ-1999. Запись С. В. Стародубцевой (= С. В. Толкачевой) в с. Сов.-Никольское Завьяловского р-на от А. В. Кузнецовой, 1918 г. р., Ю. Ф. Стерховой, 1928 г. р.

28. ФЭ УИИЯЛ-1999. Запись С. В. Стародубцевой (= С. В. Толкачевой) в д. Сепыч Завьяловского р-на от С. Н. Мартьяновой, 1928 г. р.

29. Шуклина Т. А. Свадьба: учебное издание / науч. ред. Т. А. Шуклина. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2012. 96 с. (Русский фольклор Удмуртии).

Поступила в редакцию 15.03.2016

S. V. Tolkacheva

Actional and Acoustical Parallels in Russian and Udmurt Wedding Ceremonies

The article is devoted to ethnographic and musical acoustic features of performing lamentations and farewell songs during Russian traditional weddings in the southern districts of the Udmurt Republic. The author highlights typologically similar processes in the musical genres of the Udmurt and Russian weddings and analyses the following episodes of wedding rituals accompanied by singing and/or lamenting: affiancing, bridal lamenting before the first wedding day, bride's prenuptial bath, wedding morning, unbraiding the bride's hair, leave-taking ceremony, bride's request for forgiveness and blessing from her parents, presenting gifts, and leaving for church wedding. The paper also reveals areal features of performing lamentations and farewell songs, addresses the issues of folk terminology, and describes some wedding customs existing in Vavozhsky, Zavyalovsky and Yakshur-Bodyinsky districts of the Udmurt Republic. The abovementioned customs are known in the Russian tradition as *khvilit'*, *krivit'*, *slezit' nevestu* and aimed at making the bride cry. The author emphasizes the importance of lamentations performed by the bride and her relatives during the wedding and studies some original episodes of folk wedding in the village of Arzamastsevo, Karakulinsky district.

Keywords: Russian wedding folklore of Udmurtia, ethnographic context, wedding lamentations, farewell songs, crying, howling.

Толкачева Светлана Викторовна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: svetlana-tolk@mail.ru

Tolkacheva Svetlana Viktorovna,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: svetlana-tolk@mail.ru